

О.А. Карагодина, ассистент кафедры социальной работы и педагогики
Волгоградский государственный университет, Волгоград (Россия)

Ключевые слова: благотворительность; филантропия; милосердие; безвозмездная помощь; благополучатель; духовность; менталитет; «русская идея»; суперэтнос; вестернизация.

Аннотация: Статья посвящена исследованию социокультурных особенностей благотворительной деятельности российского социума. Российская благотворительность имеет многовековую историю и традиции и представляет собой сложное, многокомпонентное явление. На протяжении различных эпох трансформировались ее виды и формы, менялись субъекты и объекты, мотивы, побуждающие людей оказывать безвозмездную помощь, преобразовывалась система государственного регулирования данной сферы общественных отношений. Тем не менее аспекты благотворительной деятельности, связанные с ее фундаментальными основаниями, остаются неизменными до сих пор. В связи с этим в данной статье феномен российской благотворительности рассматривается в контексте онтологической дихотомии «статика-динамика». Оставаясь неизменной в своих онтологических основаниях, благотворительность все же претерпевает определенные трансформации. Автором дан анализ фундаментальных статичных основ благотворительности, закрепленных в менталитете русского народа. Сделан вывод о том, что статичность базируется на особенностях менталитета российского суперэтнуса и проявляется в сохранении его основных установок, в устойчивости социокультурной традиции оказания помощи наиболее незащищенным группам как приоритетного направления благотворительной поддержки всех исторических практик и всех форм благотворительности. Что же касается динамических изменений российской благотворительности, то они рассмотрены с точки зрения проблем глобализации как попытки вестернизации социальной культуры российского суперэтнуса. Обосновано предположение, согласно которому динамические изменения обусловлены глобализационными процессами и связаны с появлением новых благотворительных практик потребительского общества, с изменением роли государства, со структурным преобразованием прежних институциональных форм общественной жизни и эволюцией институтов гражданского общества.

Российская благотворительность как социокультурный феномен имеет многовековую историю и традиции. На протяжении различных эпох трансформировались ее виды и формы, менялись субъекты и объекты, мотивы, побуждающие людей оказывать безвозмездную помощь, преобразовывалась система государственного регулирования данной сферы общественных отношений. Тем не менее аспекты благотворительной деятельности, связанные с ее фундаментальными основаниями, остаются неизменными до сих пор. В связи с этим благотворительность как социальное явление целесообразно рассматривать в контексте онтологической дихотомии «статика-динамика».

Статичность благотворительности проявляется, прежде всего, в константности и незыблемости ее основных принципов – добровольности и безвозмездности, а также в устойчивости воспроизведения традиции социальной помощи наиболее незащищенным группам как приоритетного направления благотворительной поддержки всех исторических практик и всех форм благотворительности.

Обзор истории становления и развития просоциальной деятельности в России показывает, что благотворительность в ее чистом виде всегда предполагала добровольность совершаемого деяния и отсутствие прямой выгоды. В связи с чем константность базовых принципов не вызывает вопросов, однако сущность принципа безвозмездности наталкивает на противоречия. С одной стороны, безвозмездность как бесплатность оказываемой помощи [1] характерна для любого акта благотворения. Более того, именно безвозмездность делает благотворительность благотворительностью, конституирует ее как феномен социальной культуры. С другой стороны, если рассматривать безвозмездность в ином ракурсе – как отсутствие любой выгоды для благотвори-

теля, то становится очевидным, что такая деятельность не всегда безвозмездна. Если опустить материальный аспект и сосредоточить внимание на так называемых вторичных, или косвенных, выгодах, то мы увидим, что их довольно много. Выгода может быть как личной, так и общественно значимой. Среди примеров личной косвенной выгоды, которую благотворитель получает, оказывая помощь нуждающемуся, можно выделить такие проявления чувственно-эмоциональной сферы, как радость, удовлетворенность собою, спокойствие, самоуважение, чувство общественной значимости и т. д. Помимо этого, для некоторых форм благотворительной деятельности характерны выгоды, связанные со статусной сферой, например, имидж (доброе имя). Наряду с личными косвенными выгодами благотворительности существуют также общественно значимые выгоды: действие оздоровлению обстановки в обществе, формирование благополучного окружения, снижение социальной напряженности и т. д.

В данном контексте интересной представляется мысль, высказанная М. Фуко в работе «Рождение клиники». Рассуждая об обоюдности благодеяния на примере помощи, которую оказывает богатый человек больному бедняку, нуждающемуся в лечении, М. Фуко писал: «...И, благодаря структуре обоюдности, это показывает богатому пользу от помощи, оказываемой бедным госпитализированным: платя за то, чтобы их лечили, на самом деле он заплатит за то, чтобы лучше были изучены болезни, которыми он сам может быть поражен. То, что является благотворительностью с точки зрения бедняка, трансформируется для богатого в полезное знание... Благотворительные дары смягчают страдание бедняка, откуда в результате придут в просвещение для сохранения богача. Да, благотворители, богачи, щедрые люди, этот больной, лежащий в постели,

которая создана вами, страдает в настоящий момент от болезни, которая не замедлит атаковать вас самих. Он выздоровеет или погибнет, но при том или ином событии его участь может просветить вашего врача и спасти вашу жизнь» [2, с. 137].

Идея об обоюдности благодеяния, о его значимости как для благополучателя, так и для благотворителя высказывалась не только в сочинениях М. Фуко, но и представителями русской религиозной философии. Если обоюдность, о которой говорит М. Фуко, носит у него характер прагматизма, то у русских философов благотворительности акцент сделан на духовный компонент [3–6]. Помимо утилитарного назначения, предполагающего достижение исключительно практических целей и «механическое» удовлетворение материальных потребностей, благотворительность в большинстве случаев имеет духовную составляющую, которая проявляется прежде всего в нравственной потребности человека оказывать помощь другим и совершать благое деяние, затрачивая не только материальные, но и духовные ресурсы. Такой подход отличает русскую модель благотворительности от моделей западных народов, делает ее уникальной и самобытной. Именно менталитет народа является истоком статичных проявлений благотворительности. Система ценностей, отражаемая в менталитете русского человека, включает такие составляющие элементы, как сострадание, человечность, «чувство национального самосохранения», стремление к справедливости (поиск правды). Среди основных факторов, оказавших влияние на формирование русского менталитета, можно выделить географические и природно-климатические условия (особое внимание которым уделял в своих трудах В.О. Ключевский), социально-экономические особенности, связанные со специфической производственной деятельностью (сельское хозяйство), синтез западно-восточной культуры, выражающийся в самобытности «русской цивилизации», а также принятие христианства.

Несмотря на противоречивость русского менталитета, о которой рассуждали Л.П. Красавин [7], Н.А. Бердяев [8; 9] и И.А. Ильин [10], наблюдаются некоторые устойчивые социокультурные характеристики, присущие русскому народу. Одним из главных качеств является душевность русского человека. Так, немецкий философ-русофил В. Шубарт пишет: «Запад подарил человечеству наиболее совершенные формы техники, государственности и связи, но он лишил его души. Задачей России является вернуть ее людям. Именно Россия обладает теми силами, которые Европа утратила или разрушила в себе» [11]. Всеобъемлющая душевность русского народа, безусловно, проявляется и в благотворительной сфере. В отличие от «формальной» и «механической» западной благотворительности, в основе которой лежат рассудочность, внешняя ритуальность и чувство долга, российская благотворительность является «содержательной», основанной на сердечности и нравственных потребностях. Об этой разнице приоритетов писал К.С. Аксаков: «На Западе душа убивается, заменяясь усовершенствованием государственных форм, полицейским благоустройством; совесть заменяется законом, внутренние побуждения – регламентом; даже благотворительность превращается в механическое дело... Запад потому и развил в себе

законность, что чувствовал в себе недостаток правды» [12]. Именно ментальные особенности русского национального характера, выражаемые в таких понятиях, как духовность, доброта, «широта души», человеколюбие, сострадание, всечеловеческое единство, диалог, открытость, мотивируют человека помогать другим, заниматься благотворительностью.

Обратимся к другому проявлению статичности основ благотворительной деятельности – к устойчивости воспроизведения традиции социальной помощи наиболее незащищенным группам. Потребность оказывать помощь более слабым и немощным всегда была характерной чертой русского человека. Вопрос о том, что именно сформировало такую потребность, весьма сложен и неоднозначен. Возможно, желание помогать Другому заложено в каждом человеке изначально, а может быть и так, что оно приобретает в процессе человеческого общежития. Существует точка зрения, согласно которой потребность оказывать помощь ближнему возникает вместе со становлением общества [13]. Необходимость объединения сил для противостояния природе и получения пищи, а также совместное решение иных бытовых проблем порождали сочувствие друг к другу, взаимную поддержку. Сформированная таким образом потребность ведет к созданию установки, следуя которой человек подсознательно стремится к сохранению своего вида. Морально-этический аспект также играет роль в данном процессе. Например, оказывая помощь немощному старику, человек отдает дань уважения за то, что этот старик сделал для сообщества. Помогая ребенку, человек также поддерживает члена своей социальной группы, который может в будущем принести пользу. Но филантропические установки характерны не для каждого древнего общества. Существуют свидетельства, согласно которым славянским племенам была свойственна практика инфантицида. Этот обычай с полной достоверностью засвидетельствован у балтийских славян, поморян и лютичей. В этих племенах матери через удушение убивали новорожденных детей женского пола, если их было много в семье. Это делалось для того, чтобы можно было лучше заботиться об остальных детях [14]. Многочисленные этнографические наблюдения свидетельствуют о том, что убийство являлось нормой не только для славян. В мировой истории существуют примеры, демонстрирующие доминирование принципа естественного отбора и легитимизацию убийства слабых и немощных членов сообщества соплеменниками. Такое поведение объяснялось различными причинами (религиозными, экономическими, социальными, политическими), но чаще всего превалировал экономический мотив.

Безусловно, отдельные элементы благотворительной деятельности были присущи древним славянским племенам, однако ее активное становление в качестве социальной практики стало возможно после крещения Руси. Религиозная этика послужила основным катализатором развития благотворительности. Христианство уделяет большое внимание феномену благотворительности и артикулирует необходимость проявлять милосердие и сострадание по отношению к ближним, оказывать им помощь. В.О. Ключевский пишет об особой форме душевности при проведении благотворительного

акта, который нельзя было творить демонстративно, хвляясь своей добротой: «Древняя Русь понимала и ценила только личную, непосредственную благотворительность, милостыню, подаваемую из рук в руки, притом «оттай», тайком не только от стороннего глаза, но и от собственной «шуйцы» (левой руки. – Прим. автора)» [15]. Такой подход разительно отличается от благотворительной деятельности современного российского бизнес-сообщества.

Продолжая рассуждения о статичности духовно-нравственных и психосоциальных основ благотворительности, следует также отметить, что наблюдается сохранение и воспроизведение мотивационной структуры благотворительного участия в контексте требований религиозной этики и общественной морали, укорененных в исторической практике благотворительности [16]. Таким образом, возвращаясь к вопросу о русском менталитете как источнике статики основ благотворительности, можно утверждать, что именно архетипы национального характера детерминируют потребность в оказании помощи Другому.

Что же касается динамических изменений, наблюдаемых в благотворительной сфере, то они во многом детерминированы глобализационными процессами. В данном контексте речь идет о глобализации как попытки вестернизации российского общества. Последствия вестернизации для благотворительной сферы весьма противоречивы. С одной стороны, именно вестернизация утверждает парадигму социального государства и развития таких институтов гражданского общества, как благотворительные организации. Наряду с этим глобализационные процессы ведут к некоей мировой стандартизации благотворительности, тем самым значительно повышая ее уровень в России. С другой стороны, эти процессы несут негатив культуры потребительского общества, вызывая отчуждение человека; они ведут к «механизации» благотворительности и некоей бездушности в оказании помощи, что противоречит русской ментальности. Например, существует практика предоставления налоговых льгот за участие в благотворительной деятельности, что приводит к риску девальвации главного принципа благотворительности – безвозмездности.

Н.А. Бердяев критикует западное общество, поскольку «в нем порывается всякая духовная связь между людьми, общество окончательно атомизируется, и якобы освобожденная личность остается покинутой, предоставленной самой себе и беспомощной в этом страшном и чуждом мире» [17]. В данном контексте следует отметить, что сегодня благотворительность нужна чуть ли не более самим благотворителям, чем нуждающимся, поскольку это помогает им преодолеть процесс отчуждения, почувствовать свою значимость и нужность Другому, придать смысл своему существованию. Часто акт благотворения совершается не из сочувствия и искреннего желания помочь, он мотивирован стремлением благотворителя успокоить свою совесть, оказать помощь для галочки. Это ведет к риску повсеместного развития эгоистической благотворительности.

На сегодняшний день динамические процессы благотворительной деятельности проявляются в изменении и появлении новых благотворительных инициатив

[18]. Также наблюдается усложнение общественной благотворительности, связанное со структурным изменением прежних институциональных форм, появлением новых институтов и типов общественных организаций [19]. Динамические изменения наблюдаются и в структурном усложнении социальной ценности благотворительности.

Помимо этого, динамика благотворительности наиболее отражена в изменении роли государства в этом процессе. Например, в советский период российской истории государство не приветствовало частную благотворительность. Поскольку «в обществе уничтожены нужда и нищета», благотворительность не представлялась нужной для социалистического строя и определялась в тот период как помощь, «лицемерно оказываемая представителями господствующих классов ... некоторой части неимущего населения с целью обмана трудящихся и отвлечения их от классовой борьбы» [20]. Однако на практике проблемы, безусловно, существовали и фактически государство взяло на себя функции благотворительности. В настоящее время картина диаметрально противоположная: государство приветствует частную благотворительность и пытается «избавить» себя от данной функции.

Таким образом, благотворительность представляет собой сложное, многокомпонентное социокультурное явление. Оставаясь неизменной в своих онтологических основаниях, благотворительность все же претерпевает определенные трансформации. Ее статичность базируется на особенностях менталитета российского суперэтноса и проявляется в сохранении его основных установок, в устойчивости социокультурной традиции оказания помощи наиболее незащищенным группам. Динамические изменения обусловлены глобализационными процессами и связаны с появлением новых благотворительных практик потребительского общества, с изменением роли государства, со структурным преобразованием прежних институциональных форм общественной жизни и эволюцией институтов гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: ИТИ Технологии, 2003. 940 с.
2. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.
3. Ключевский В.О. Добрые люди Древней Руси. М.: Книга по Требованию, 2011. 24 с.
4. Розанов В.В. Религия и культура. М.: АСТ, 2001. 640 с.
5. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. М.: Республика, 1996. 479 с.
6. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т. 2. М.: Правда, 1990. 446 с.
7. Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея. Петроград: Academia, 1922. 82 с.
8. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 320 с.
9. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: АСТ, 2010. 333 с.
10. Ильин И.А. О России. Три речи. URL: projectrussia.orthodoxy.ru/PR/ii.php#PART1.
11. Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Русская идея, 2000. 443 с.

12. Аксючиц В. Духовная революция XIX века // Православие.RU. URL: www.pravoslavie.ru/jurnal/ideas/duhrev06.htm.
13. Журавлева Т.Б. Благотворительность как социальный институт современного гражданского общества. Казань: АСО (КСЮИ), 2008. 204 с.
14. Нидерле Л. Славянские древности. М.: Новый Акropolis, 2010. 741 с.
15. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. 624 с.
16. Васильева Е.Г., Литвинова И.Н., Карагодина О.А. Феномен благотворительности в провинциальном социуме на рубеже XIX–XX и XX–XXI столетий. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013. 307 с.
17. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 388 с.
18. Карагодина О.А. Интернет-благотворительность как социальный феномен современного российского общества // Новый университет. Серия: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2012. № 9. С. 26–29.
19. Гуляихин В.Н., Галкин А.П., Васильева Е.Н. Молодежные и детские объединения как субъекты вторичной социализации: опыт регионального исследования // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 127–132.
20. Тихонович Л., Сучилин А. Филантропия при советах // Филантроп: электронный журнал. 2010. Июль. URL: philanthropy.ru/esse/2010/07/26/2581/#.U1UF8qJ1Ekk.
6. Florensky P.A. *U vodorazdelov mysli* [By the thought watershed]. Moscow, Pravda publ., 1990, vol. 2, 446 p.
7. Karsavin L.P. *Vostok, Zapad i russkaya ideya* [East, West and Russian idea]. Petrograd, Academia publ., 1922, 82 p.
8. Berdyaev N.A. *Russkaya ideya* [Russian idea]. S. Peterburg, Azbuka-klassika publ., 2008, 320 p.
9. Berdyaev N.A. *Sud'ba Rossii* [Destiny of Russia]. Moscow, AST publ., 2010, 333 p.
10. Ilyin I.A. *O Rossii. Tri rechi* [About Russia. Three languages]. URL: projectrussia.orthodoxy.ru/PR/ii.php#PART1.
11. Shubart V. *Evropa i dusha Vostoka* [Europe and sole of the East]. Moscow, Russkaya ideya publ., 2000, 443 p.
12. Aksyuchits V. Spiritual revolution of the 19th century. *Pravoslavie.RU*. URL: www.pravoslavie.ru/jurnal/ideas/duhrev06.htm.
13. Zhuravleva T.B. *Blagotvoritelnost' kak sotsialnyi institut sovremennogo grazhdanskogo obshchestva* [Charity as a social institution of cotemporary civil society]. Kazan, ASO publ., 2008, 204 p.
14. Niderle L. *Slavyanskije drevnosti* [Slavonic antiquities]. Moscow, Noviy Akropol publ., 2010, 741 p.
15. Klyuchevsky V.O. *Istoricheskie portreti. Deyateli istoricheskoy mysli* [Historical portraits. Figures of historical thought]. Moscow, Pravda publ., 1990, 624 p.
16. Vasilyeva E.G., Litvinova I.N., Karagodina O.A. *Fenomen blagotvoritelnosti v provintsialnom sotsiume na rubezhe XIX–XX i XX–XXI stoletiy* [Charity phenomenon in provincial society between XIX–XX and XX–XXI centuries]. Volgograd, Volgogradsky gos. universitet publ., 2013, 307 p.
17. Berdyaev N.A. *O naznachenii cheloveka* [About man's purpose]. Moscow, Respublika publ., 1993, 388 p.
18. Karagodina O.A. Charity in the Internet as a social phenomenon of the modern Russian society. *Noviy universitet. Seriya Aktualnie problemi gumanitarnikh i obshchestvennykh nauk*, 2012, no. 9, pp. 26–29.
19. Guliaikhin V.N., Galkin A.P., Vasilieva E.N. Youth and children associations as subjects of secondary socialization: A regional study. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012, no. 6, pp. 127–132.
20. Tikhonovich L., Suchilin A. Philanthropy in the councils. *Filantrop: elektronnyy jurnal*, 2010, July. URL: philanthropy.ru/esse/2010/07/26/2581/#.U1UF8qJ1Ekk.

REFERENCES

1. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkoviy slovar russkogo yazika* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow, ITI Tekhnologii publ., 2003, 940 p.
2. Fuko M. *Rozhdenie kliniki* [Creating of a clinic]. Moscow, Smysl publ., 1998, 310 p.
3. Klyuchevsky V.O. *Dobrie lyudi Drevney Rusi* [Good people of Early Rus]. Moscow, Kniga po Trebovaniyu publ., 2011, 24 p.
4. Rozanov V.V. *Religiya i kultura* [Religion and culture]. Moscow, AST publ., 2001, 640 p.
5. Solovyev V.S. *Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya* [Justification for the good. Moral philosophy]. Moscow, Respublika publ., 1996, 479 p.

CHARACTERISTICS OF CHARITY WORK IN THE RUSSIAN SOCIETY

© 2015

O.A. Karagodina, assistant of the department «Social work and pedagogy»
Volgograd state university, Volgograd (Russia)

Keywords: charity; philanthropy; mercy; donation; donee; spirituality; mentality; «Russian idea»; superethnos; westernization.

Abstract: The article researches sociocultural features of charity in the Russian society. The Russian charity is a difficult, multicomponent phenomenon that has a long history and traditions. Types and forms of charity had transformed through the centuries: subjects, objects and motives of philanthropy changed. The system of state regulation of this sphere had been transforming during the Russian history. However, the aspects of charity connected with its fundamental bases remain invariable so far. The article studies the phenomenon of the Russian charity in the context of ontological dichotomy «statics-dynamics». Charity remains invariable in its ontological bases, but still undergoes certain transformations. The author analyses fundamental static bases of charity fixed in mentality of the Russian people. Static character is based on the peculiar features of mentality of the Russian superethnos and is reflected in preservation of its main purposes and in stability of socio-cultural tradition to help the most unprotected groups of the population. It is considered to be the foreground area of charitable assistance in all historical practices and all forms of charity. As for dynamic changes of the Russian charity, they have been analyzed in the context of globalization which is considered as an attempt of westernisation of social culture of the Russian superethnos. The author grounds the hypothesis according to which dynamic changes are caused by globalization processes and connected with emergence of new charitable practices of consumer society, with change of the state role, with structural transformation of the former institutional forms of public life, and with evolution of institutes of the civil society.